

Наталья Даниловна Стрельникова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова, Россия

tashastrel@mail.ru

 0009-0002-0426-0515

<https://orcid.org/0009-0002-0426-0515>

Роман Захара Прилепина «Обитель» и традиции Ф.М. Достоевского

Izvorni znanstveni rad /

Original scientific paper

UDK 821.161.1.09Prilepin, Z.

821.161.1.09Dostoevskij, F. M.

<https://doi.org/10.32728/tab.21.2024.6>

Prilmljeno / Received: 20. prosinca 2023.

Prihvaćeno / Accepted: 1. ožujka 2024.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу романа З. Прилепина «Обитель», действие которого происходит предположительно в 1929 году на территории Соловецкого монастыря, где с 1923 года находился СЛОН. Представляется плодотворным сопоставить «Обитель» с художественным очерком Ф.М. Достоевского «Записки из Мёртвого дома», являющимся предтечей «лагерной темы» в истории русской литературы. При таком сравнительном анализе обнаруживается сходство как на уровне композиции, так и на уровне мотивов и образной системы. Несмотря на типологическую близость ситуаций, задачи, поставленные авторами, различны, что и приводит к абсолютно разным целям, более того, отношение авторов к героям, их мировоззренческая позиция оказывается абсолютно противоположной.

Особое внимание в статье уделено семантике названия романа, образу главного героя, несоответствию темы и жанра. Многочисленные реминисценции, обнаруженные в процессе исследования, отсылают к другим произведениям Ф.М. Достоевского («Преступление и наказание»,

«Братья Карамазовы»), позволяя более глубоко и объективно взглянуть на роман З. Прилепина.

Ключевые слова: лагерная проза, Соловецкий монастырь, обитель, Достоевский, жанр

1. ВВЕДЕНИЕ

В 2014 году вышел роман Захара Прилепина (Евгений Николаевич Прилепин) «Обитель», удостоенный премии «Большая книга». Действие романа происходит предположительно в 1929 году на территории Соловецкого монастыря, в котором с 1923 года находился СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения, предшественник ГУЛАГА. С 1920 года на Соловках располагался лагерь принудительных работ (примерно 350 человек вместе с конвойными), с 1923 года на территории Соловецкого монастыря находился СЛОН, первый в советской стране лагерь. Социальный состав заключённых был многослойным, однако значительную его часть составляли так называемые «политические», духовенство и священники, офицеры белой гвардии, эсеры, интеллигенция.

Целью исследования является взгляд на роман «Обитель» через призму сравнения романа З. Прилепина с очерком Ф.М. Достоевского «Записки из Мёртвого дома», являющимся предтечей «лагерной темы» в истории русской литературы.

2. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье обобщены разные подходы, что обеспечило применение комплексного метода. Используются разные методы исследования, но прежде всего аналитический, сравнительно-сопоставительный и контекстуальный анализ. При сравнительном анализе обнаруживается сходство между указанными произведениями Ф.М. Достоевского и З. Прилепина, что будет продемонстрировано в статье, как на уровне композиции, так и на уровне мотивов и образной системы.

3. ОБСУЖДЕНИЕ

Жанр «лагерной прозы» начинается с Ф.М. Достоевского. Именно он стал первым русским писателем, прошедшим через ад острога и написавшим об этом опыте в очерковой прозе «Записки из Мёртвого дома» (1860–1962). Именно Достоевский открыл русскому читателю неведомую доселе страницу русской жизни, создав интереснейший человеческий документ – свидетельство очевидца. Представляется

более чем уместным сравнить роман З. Прилепина с очерками Ф.М. Достоевского. Подобное сопоставление не лишено смысла по очень многим причинам.

Фамилия главного героя «Записок из Мёртвого дома», от лица которого написан очерк, – Горянчиков, Александр Петрович Горянчиков. Его записки попали в руки автора, который после смерти Горянчикова их опубликовал.

Фамилия главного героя романа Прилепина – Горяинов, Артём Горяинов. Совпадение вряд ли случайно. Правда, Горянчиков – дворянин, получивший 10 лет каторги за убийство жены. Александру Петровичу около 35 лет, он бледный, худой, тщедушный. Это совсем не обаятельный, неуверенный в себе человек, ничтожный, на первый взгляд, мнительный, сломленный каторгой. Его отношения с каторжниками, в основном с представителями простого народа, складываются трудно, потому что он «чужак», его не признают.

Артём Горяинов, напротив, молодой, сильный, неглупый, но неуравновешенный, сотканный из противоречий, молодой человек лет 27, из Москвы, студент, бунтарь и индивидуалист. На протяжении романа он совершает разные, иногда взаимоисключающие друг друга поступки, рефлексировать. Принадлежит к интеллигенции. Артём и ничтожен, и благороден одновременно, и нежен, и жесток. Фамилии созвучны, но герои не похожи. Скорее, Артёма можно сопоставить с другим рассудочным героем Достоевского из романа, истоки которого восходят к пребыванию писателя на каторге.

Ф.М. Достоевский писал брату: «Не помнишь ли, я тебе говорил про одну *исповедь*-роман, который я хотел писать <...> Я задумал его на каторге, лёжа на нарах, в тяжёлую минуту грусти и саморазложения ...» (Достоевский 1928–1959: 608).

Сама фамилия героя семантически нагружена и выбрана удачно, так как допускает двойное толкование. С одной стороны, она ассоциируется и связывается со словами *горе, горевать, горячий, горький*, с другой, – *горячий, горящий*. Герой разрывается внутренними противоречиями, что символически выражено в звучании фамилии. И снова это напоминает. И так, *Герасим Чистов, 27 лет от роду, из Москвы, убил топором кухарку и прачку, за что был осуждён* (Белов 1984: 13).

Из короткой газетной заметки, наравне с другими составляющими, вырос роман «Преступление и наказание», главным героем которого является недоучившийся студент Родион Раскольников. Артём Горяинов, изначально совсем не похожий на Горянчикова, но имеющий черты сходства с Раскольниковым, к финалу романа начинает приближаться к типологическому типу Горянчикова, начинает сливаться с другими лагерниками, становится невыразительным, молчаливым, обыкновенным. Он, больше, чем Горянчиков, сломлен, духовно и физически.

Ф.М. Достоевский незримо присутствует на страницах романа на уровне мотивов, типажей, полифонии, иногда имплицитно, а где-то достаточно явно. Например, повторяющийся образ солнца и связанный с ним мотив. «На улице стояло вечернее соловецкое солнце, пронизывая лучами тучи <...> и всё в воздухе казалось подслащённым» (Прилепин 2015: 182). Образ *заходящего солнца* является одним из постоянных в творчестве Ф.М. Достоевского не только в «Преступлении и наказании», но и в романах «Подросток» и «Братья Карамазовы». В «Преступлении и наказании», например, читаем: «Небольшая комната <...> была в эту минуту ярко освещена заходящим солнцем» (Достоевский 1957: 10).

В.Н. Топоров считает, что «Закат у Достоевского – не только знак рокового часа, когда совершаются или замышляются решающие действия, но и стихия, влияющая на героя» (Топоров 2009: 398). Думается, что не без влияния Ф.М. Достоевского находим у З. Прилепина следующий фрагмент: «В Москве солнце заходит – как остывший самовар унесли. В Питере, – и Афанасьев махнул рукой куда-то в сторону, – как петровский пятак за рукав спрятали. <...> И только тут – как бритвой, – Афанасьев быстро чиркнул указательным пальцем возле шеи, по горлу...» (Прилепин 2015: 416).

Артём Горяинов в одну из решительных минут, стоя перед выбором, от которого будет зависеть его дальнейшая судьба, – остаться человеком или стать *стукачом*, ведёт бесконечный внутренний диалог с самим собой, выступая как бы в двух лицах, его сознание двоится, он мучительно размышляет как бы «выкрутиться»: «Артём размышлял обо всём одновременно, словно избегая думать о самом главном, – но эти попытки были тщетными. ” Солнце так светит <...> Как же люди могут полюбить Бога, если он один знает всё про твою подлость, твоё воровство, твой грех? Мы же всех ненавидим, кто знает о нас дурное?”»

(Прилепин 2015: 182). Позже владычка Иоанн предлагает Артёму Евангелие, от которого герой отказывается.

В Комментарий к роману «Преступление и наказание» С.В. Белов пишет, что «солнце всегда у Достоевского – символ “живой жизни”, символ воскресения героя. В ужасе Раскольникова перед солнцем и предчувствие гибели, гибели его мертворождённой теории, и в то же время предчувствие воскресения – воскресения души» (Белов 1984: 57). «И тогда, стало быть, так же будет солнце светить!.. – как бы невзначай мелькнуло в уме Раскольникова» (Достоевский 1957: 10).

В «Преступлении и наказании», как подсчитал В.Н. Топоров, слово *странный* употребляется около 150 раз, создавая «атмосферу неожиданности, обманутого ожидания, неопределённости» (Топоров 1973: 237). В «Записках из Мёртвого дома» Достоевский живописует «странность иных фактов» (Достоевский 1979: 7). Часто пользуется этим прилагательным и Прилепин. Сама атмосфера лагеря, его вид странны и неожиданны: посыпанные песком дорожки, клумбы с розами, фигура слона, выложенная белыми камнями на центральной клумбе. «Наши Соловки – странное место! <...> Это самая странная тюрьма в мире! <...> мы вот думаем, что мир огромен и удивителен, полон тайн и очарования, ужаса и прелести но у нас есть некоторые резоны предположить, что вот сегодня, в эти дни, Соловки являются самым необычайным местом, известным человечеству» (Прилепин 2015: 55). Прилагательное *странный* у Прилепина наполняется несколько иным смыслом, получает дополнительные контаминации: необычный, экспериментальный, чудесный.

В одном из монологов Эйхманиса содержится прямая отсылка к «Запискам из Мёртвого дома»: «Помню, у Достоевского на каторге были кандалы, а за провинности – их секли. Как детей. Вас секли тут? <...> И кандалов я на вас не вижу <...> Снимаете, что ли, на ночь?» (Прилепин 2015: 276).

Ф.М. Достоевский в «Записках из Мёртвого дома» подробно описывает в духе физиологической школы быт, обычаи и нравы острога, «совершенно нового мира, до сих пор неведомого, <...> некоторые особенные заметки о погибшем народе» (Достоевский 1979: 7). Начиная с описания самого острога, автор переходит к портретам каторжан, здесь есть и отдельные истории, кто и как

оказался на каторге, и характеристики основных типов преступников, и зарисовки эпизодов острожной жизни: работа, госпиталь, баня, театр (глава «Представление»), побег. Особое место занимает рассказ о каторжных животных. Сцена описания бани, сравниваемой с адом, – одна из самых ярких и запоминающихся в «Записках»: «если все мы вместе будем когда-нибудь в пекле, то оно очень будет похоже на это место» (Достоевский 1979: 121).

Эта схема в основных своих чертах повторяется в «Обители». Нет описания бани, она заменяется важным в фабуле романа эпизодом изготовления «соловецких и секирских веничков». Если у Достоевского баня, в которой «все это орало и гоготало, при звуке ста цепей, волочившихся по полу» (Достоевский 1979: 120), являет собой страшную картину, то у З. Прилепина сцена изготовления веников предстает весёлым развлекательным эпизодом. Однако позже за *страшную шутку* с вениками будут жестоко наказаны другие лагерники, но сказано об этом походя, почти за кадром.

Прочувствованный, пронизанный глубокими размышлениями и философскими обобщениями о самой сути русской жизни, рассказ Достоевского не может не вызывать ответного чувства сострадания у читателя, жалеющего обречённых каторжников и несчастных каторжных животных. Роман З. Прилепина грубо стилизован под документальный и исторический, кажется, что автор совсем не любит своих героев, не сострадает им, но в «Обители» настойчиво создаётся новый миф.

Кроме того, на трагическом фоне существования концентрационного лагеря Прилепин пишет авантюрный роман, где герой выходит «сухим из воды» в самых безвыходных обстоятельствах, когда это кажется невозможным по определению. Согласно постоянно звучащему в книге рефрену – «Не по плису, не по бархату хожу, а хожу-хожу по острому ножу...» – герою действительно удастся «выживать» буквально чудом. Представляется, что тема и жанр не соответствуют друг другу. Именно это заставляет отнести к произведению Прилепина как к образцу массово-популярной литературы, а не считать его одним из самых значительных романов XXI века, как полагают некоторые критики (Бондаренко 2014).

Любопытно заметить, что Ф.М. Достоевский активно прибегал к элементам популярного жанра массовой литературы в своих философско-психологических произведениях. Сошлёмся здесь на М. Бахтина: «Нет, кажется, ни одного атрибута старого романа приключений, который не был бы использован Достоевским» (Бахтин 1979: 118).

И, конечно, евангельские мотивы, тема веры и безверия – центральные в творчестве Ф.М. Достоевского, так или иначе, звучат в романе «Обитель». Владычка Иоанн предлагает Артёму Евангелие, о вере говорит с ним Василий Петрович, Артёму снится, что к нему снисходит ангел, иногда он сам размышляет о Боге и несправедливом устройстве мира, но Артём – атеист, возможно, поэтому его жизнь так нелепо прерывается и спасения не происходит.

Никак нельзя согласиться с Владимиром Бондаренко, который в статье о романе «Власть соловецкая» пишет об Артёме, что «это, пожалуй, герой нашего русского времени ... Природный русский человек, подчёркнуто не идеологичный человек <... > остающийся нормальным русским человеком при самых разных условиях» (Бондаренко 2014). В том-то и дело, что Артём не выдерживает испытаний, пережитых в лагере, становится совсем другим, далёким от «нормального», человеком. Он мельчает, превращается в существо со стёртой внешностью и сломленным характером:

«Всё в лице Артёма стало мелким: маленькие глаза, никогда не смотрящие прямо, тонкие губы, не торопящиеся улыбаться <...> Жестикуляции нет» (Прилепин 2015: 686).

Герой «Записок из Мёртвого дома» выходит из острога, оставляет после себя посмертные мемуары; преступник и убийца Раскольников раскаивается, Артём Горяинов становится почти безымянным заключённым, сама его личность уничтожается, он незаметно уходит, растворяясь в пейзаже.

Родион Раскольников в эпилоге «Преступления и наказания» обретает любовь и приходит к вере. Артём Горяинов разочаровывается в любви, а веры и не было. Он обращается не к Богу, а к крысе: «Научи меня жить, крыса!» (Прилепин 2015: 659). Хочется подчеркнуть карикатурность и ёрничанье автора при описании повадок крысы.

«Та степенно приступила к трапезе: по-крестьянски, не суетясь, разве что не перекрестилась. Во всяком движении её сквозило достоинство и точность. Она никуда не торопилась и ничего не боялась» (Прилепин 2015: 658–659). И невольно возникла параллель с описанием манеры поведения Эйхманиса, который «по-хозяйски», «так точно, так убедительно жестикулирует, и за каждым словом стоит необычайная самоуверенность и сила» (Прилепин 2015: 225).

Персонажи З. Прилепина неоднозначны. Они мимикрируют, неожиданно предстают не теми, кем кажутся изначально. Например, Василий Петрович «представлял собой почти идеальный тип русского интеллигента <...> незлобивый, либеральный... с мягким юмором <...> слегка наивный и чуть склонный к сентиментальности ... но притом обладающий врождённым чувством собственного достоинства» (Прилепин 2015: 47). Много позже выясняется, что Василий Петрович служил в белой контрразведке, убивал людей. Поэт Афанасьев – обаятельный, простой, талантливый – оказывается карточным шулером, содержателем притона, в котором процветал игорный бизнес. Таковыми же, неожиданно оборачивающимися другой стороной и сутью, являются и Галина Кучеренко, и Бурцев, и Крапин. В романе нет положительных героев, автор не симпатизирует своим персонажам, считая, что каждый из них заслуживает наказания. «Пишут ещё, что здесь мучают заключённых, – продолжал Эйхманис <...> Отчего-то совсем не пишут, что заключённых мучают сами же заключённые <...>. Вы сами себя мучаете лучше любого чекиста!» (Прилепин 2015: 272).

Неприятно удивляет уважение и даже восхищение, которое испытывают герои (Артём, Захар, Галина) и автор к Ф.И. Эйхмансу (Эйхманис) – организатору и начальнику первого концентрационного советского лагеря. Артём неожиданно вынужден признаться себе в «чувстве, безусловно стыдном: в эту минуту Эйхманис ему по-человечески нравился» (Прилепин 2015: 225). И как тут не вспомнить антиутопию Джорджа Оруэлла «1984» и любовь, которую чувствует главный герой Смит к Большому Брату в финале романа одновременно с полным равнодушием к бывшей возлюбленной; допросы, образ крыс – все это напоминает Оруэлла с той лишь принципиальной разницей, что Оруэлл ненавидит этот режим и предупреждает о том, к какой чудовищной жизни он может привести, а З. Прилепин оправдывает и защищает.

Театр начинается с вешалки, а книга – с названия и обложки. Не зная заранее, о чём написал автор, а лишь прочитав или услышав заглавие ОБИТЕЛЬ, в голову могут прийти разные смыслы и трактовки, но только не «лагерная тема». Словарь С.И. Ожегова предлагает два значения этого многозначного слова: «1. Обитель – то же, что монастырь (устар.) *Древняя о.* 2. Место, где кто-н. живёт, жилище (устар. и шутил.) *Вот моя о.*» (Ожегов: 365). Т.е. обитель – это монастырь или место для жилья, но речь идёт о СЛОНе, о месте, где жизни нет, а то, что есть, жизнью назвать нельзя. Жильё – это дом, но тюрьма не может быть домом, разве «мёртвым». Словосочетание «Мёртвый дом» у Достоевского – оксюморон, место не для жизни. Достоевский приходит к мысли, что вся Россия – Мёртвый дом. Несколько позже эту мысль подхватит С. Довлатов в «Зоне»: «Я обнаружил поразительное сходство между лагерем и волей. Между заключёнными и надзирателями. <...> Мы были очень похожи и даже – взаимозаменяемы. Почти любой заключённый годился на роль охранника. Почти любой надзиратель заслуживал тюрьмы» (Довлатов 1993: 63). У З. Прилепина эта мысль трансформируется в утверждение, что «тут государство в государстве <...> Свои владения, свой кремль. Свои палаты, свои монахи. Своя армия, свои деньги. Своя газета, свой журнал. Своё производство. Свои парикмахеры и гетеры. Свои палачи...» (Прилепин 2015: 267).

Рассказывая о лагере, Прилепин избегает слова *лагерь*, он заменяет его словом *монастырь*, прекрасно зная, что Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь, расположенный на четырёх Соловецких островах, существовал здесь до 1920 года, а затем был ликвидирован. Кстати, построенный в XV веке, монастырь уже с XVI века вплоть до начала XX-го был политической и церковной тюрьмой. Между тем, Прилепин, например, пишет: «Монастырь: 509 трёхаршинных сажен по кругу, высота девять метров, ширина – шесть. Восемь башен. Твердь!...» (Прилепин 2015: 265); «В майском или июньском мареве соловецкий монастырь, на подходе к нему, мог напомнить купель» (Прилепин: 575); «Издали монастырь был похож на корзину» (Прилепин: 745). Происходит некая логическая подмена понятий, когда слово не соответствует смыслу, означаемое и означающее не совпадают, такая своеобразная эвфемизация «по-прилепински», хотя о синонимии не может быть и речи, речь – о манипулировании читательским сознанием.

Один из персонажей, Василий Петрович, на первых страницах романа произносит фразу о спасении, вспоминая, как совсем недавно здесь, на территории монастыря, говорили монахи: «В труде спасаемся!». Затем, на следующей странице читаем, как над главными воротами, ведущими на территорию монастыря, вешают громадный плакат, трансформирующий мысль о труде: «Мы новый путь земле укажем. Владыкой миру будет труд!». В конце романа автор вновь транслирует лозунг в новой редакции: «Да здравствует свободный и радостный труд!». Однако ни спасения, ни, тем более, преобразования на территории бывшего Спасо-Преображенского монастыря не происходит, разве СЛОН превращается в символически звучащий СТОН.

Владимир Бондаренко в рецензии о романе замечает: «Насколько я знаю, у Артёма и Галины есть свои реальные прототипы. Любимый прадед Прилепина Захар – сам сидел в тех самых Соловках, много рассказывал о них позже деду и отцу писателя, так до нашего Захара докатилась история о необыкновенной любви красивой чекистки Галины Кучеренко и заключённого Артёма Горяинова» (Бондаренко 2014). Между тем, сам Прилепин в статье «Скучная, как антисоветская библиотека» рассказывает о своей семье: «В моей семье, восходящей к Липецкому уезду и Воронежской губернии, тоже не было репрессированных – а это огромный куст родственников: бабушки и дедушки, прабабушки и прадедушки, и все многодетны» (Прилепин 2014: 16).

Итак, и Достоевский, и Прилепин знакомят нас с многоликими человеческими типами, однако насколько по-разному относятся авторы к своим героям. «Почитать рассказы про нас, так получается, что здесь одни политические <...> А здесь домушники, взломщики, карманники, воры-отравители, железнодорожные воры и воры вокзальные, воры велосипедов и конокрады, воры-церковники, магазинные воры, воры при размене денег <...> содержатели малин и притонов, скупщики краденного, фармазоны <...> А пишут ведь, что здесь сидят и принимают муку крестную лучшие люди России < ...> чекистов здесь больше, чем белогвардейцев» (Прилепин 2015: 273–274). Да, но в этом высказывании содержится не вся правда, так как большую половину составляли всё-таки священнослужители и зажиточные крестьяне, интеллигенция и бывшие дворяне, то есть – на языке того времени – враги народа.

Нельзя согласиться с мыслью одного из критиков о том, что «...и в Соловецком аду жили люди, и о том, что правда не однолинейна. Можно поэтому сказать, что перед нами роман о жизни и о правде» (Сухих 2015: 303). Автор «Обители» внушает мысль: о создании нового человека. «Здесь не тюрьма <...>. Здесь создают фабрику людей. Тогда людей сажали в земляные ямы и держали, как червей, в земле, пока они не подышали. А здесь даётся выбор: либо становись человеком, либо ...» (Прилепин 2015: 267). Впрочем, герой не договаривает, что будет при ином *либо*.

Некоторые суждения, звучащие в романе «Обитель», представляются не оригинальными. Так, например, сентенция: «Человек человеку – балан» заимствована из повести известного писателя Серебряного века А. М. Ремизова «Крестовые сёстры» (1910), в которой писатель вывел свою формулу современных отношений между людьми – «человек человеку бревно», а не волк. Это гораздо опаснее и страшнее, так как свидетельствует о тотальном равнодушии. З. Прилепин использует цитату, по сути, ничего не изменяя в высказывании А. М. Ремизова, ведь на уголовном жаргоне Соловков *балан* – это и есть длинное бревно, ствол, освобождённый от сучьев.

«Трагическая история одной любви», как сказано в аннотации, и не любовь вовсе. « – Ты никто, – всхлипывала Галя, – тут мог быть кто угодно – я выбрала тебя: пустое место <...>Ты самый ничтожный был...» (Прилепин 2015: 632), а чуть дальше герой думает, что «никакой любви у него к этой глупой женщине не было. И у неё к нему» (Прилепин 2015: 633). Из дневника Галины Кучеренко становится понятно, что она просто хотела отомстить Эйхманису «не с чекистом, не с конвойным, а вот с таким» (Прилепин 2015: 728). Совершить нечто назло, чтобы сделать больно любимому – это мотив, восходящий к Достоевскому. «Надрыв» Катерины Ивановны из романа «Братья Карамазовы», мотив мести и оскорблённой гордости. Катерина Ивановна – героиня, испытывающая своеобразное наслаждение от мучений, которые она приносит Ивану Карамазову, которого тайно любит, и надрыв от ненастоящей, придуманной ею любви к Дмитрию Карамазову.

Мотив отцеубийства также отсылает к Ф.М. Достоевскому. «Вот вы за что сидите, Артём? <...> – За убийство, – сказал Артём. – Бытовое? – быстро спросил Эйхманис. Артём кивнул. – Кого убили? – так же быстро и обыденно спросил Эйхманис. – Отца, – ответил Артём,

почему-то лишившись голоса. – Вот видите! – обернулся Эйхманис к Борису Лукьяновичу. – Есть и нормальные!» (Прилепин 2015: 226). Напомним, что мотив отцеубийства является центральной темой романа Достоевского «Братья Карамазовы». В «Записках из Мёртвого дома» писатель также постоянно возвращается именно к этому мотиву, хотя рассказчик – автор мемуаров – попал на каторгу за убийство любимой жены.

Необходимо заметить, что важная мысль Ф.М. Достоевского на протяжении всего творчества от «Записок из Мёртвого дома» до «Братьев Карамазовых» – о вине и о возможности, даже необходимости взять на себя вину другого, «пострадать за других» – совершенно не знакома и не близка З. Прилепину.

Роман «Обитель» заканчивается чистой идиллией: «Скоро раздастся звон колокола, и все живые поспешат за вечерний стол, а мёртвые присмотрят за ними» (Прилепин 2015: 746). Любопытно сопоставить этот финал с предложением на последней странице «Записок из Мёртвого дома»: «Пробил барабан, и все отправились на работу, а я остался дома» (Достоевский 1979: 291).

Последняя фраза романа З. Прилепина – «Человек тёмный и страшен, но мир человеческий и тёплый» (Прилепин 2015: 746) – вызывает удивление, ибо данный тезис никоим образом не вытекает из предшествующего повествования, а логическая связь между этой фразой и предыдущей нарушена. Напомним, что последняя, XX, глава «Записок из Мёртвого дома» называется «Выход с каторги» и заканчивается она оптимистически: «Ну, с богом! «С богом!» — говорили арестанты отрывистыми, грубыми, но как будто чем-то довольными голосами. Да, с богом! Свобода, новая жизнь, воскресенье из мёртвых... Экая славная минута!» (Достоевский 1979: 292).

С лёгкой руки М. Бахтина принято называть романы Достоевского полифоническими. Может быть, риторические вопросы, которыми задается автор «Обители»: «Теперь я думаю: если бы я смотрел на всё случившееся изнутри другой головы, глазами Эйхманиса? Галины? Бурцева? Мезерницкого? Афанасьева? – это была бы другая история? Другая жизнь?» (Прилепин 2015: 743) – есть намёк на полифонию? Впрочем, едва возникнув, мысль о полифонии обрывается последним

вопросом, подразумевающим вполне однозначный ответ, отвергающий множественность точек зрения: «Или всё та же?» (Прилепин 2015: 743).

В «Некоторых примечаниях» в конце 3. Прилепин более 10 страниц посвящает «героической» биографии Эйхманса, так звучит настоящая фамилия руководителя первого концентрационного лагеря. Автор будто забывает об Артёме Горяинове, но пишет о Ногтеве, Троянском, О Бокии и Френкеле. Немного – о Шлабуковском, Моисее Соломоновиче, Борисе Лукьяновиче, даже об уголовнике Ксиве. Артём, казавшийся главным героем романа, удостоивается короткой скупой строки в предпоследнем абзаце. Подобный финал рождает подозрение по поводу главного героя романа «Обитель». Если считать, что главным или одним из главных героев является Эйхманис, то тогда название романа вполне логично: для Эйхманиса СЛОН, безусловно, ОБИТЕЛЬ.

Интрига закручена лихо, сюжет почти до конца приковывает внимание читателя, правда, больше годится для сценария. Автор не бесталанен, но вопрос об исторической достоверности, конечно, вызывает большие сомнения. Но «память – как простуда, от неё гудит голова и слезятся глаза» (Прилепин 2015: 987).

4. ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Противоречивый персонаж Прилепина Артем сопоставляется с героями разных произведений Ф.М. Достоевского – «Записки из Мёртвого дома», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы». Метод изображения быта и нравов особого тюремного мира, портретов его обитателей во многих чертах повторяется, однако отношение авторов к героям прямо противоположно. Если Достоевский создал «человеческий документ», пронизанный состраданием к каторжанам, полный философских обобщений о русской жизни, то Прилепин сотворил новый миф и написал авантюрный роман, в котором нет положительных героев, его персонажи мимикрируют, а автор не симпатизирует героям, считая, что каждый из них заслуживает наказания. Особое внимание в статье уделено семантике названия романа и несоответствию темы и жанра.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на типологическую близость ситуаций, задачи, поставленные авторами, различны, что и приводит к абсолютно разным целям, более того, отношение авторов к героям, их мировоззренческая позиция оказывается абсолютно противоположной, что мы и пытались доказать в данном исследовании. Однако многочисленные реминисценции, обнаруженные в процессе исследования, отсылают к философско-психологическим романам Ф.М. Достоевского и позволяют более глубоко и объективно взглянуть на роман З. Прилепина.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин, Михаил (1979). Проблемы поэтики Достоевского. Москва: Советская Россия.

Белов, Сергей Владимирович (1984). Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментарий. Книга для учителя / Под ред. Д. С. Лихачёва. Москва: Просвещение.

Бондаренко, Владимир (2014). Власть Соловецкая. О романе З. Прилепина «Обитель». URL: <http://zavtra.ru/content/view/vlast-solovetskaia/> (дата обращения: 26. 1. 2024).

Довлатов, Сергей (1993). Собрание сочинений: В 3-х т., 1. Санкт-Петербург: Лимбус-Пресс.

Достоевский, Федор Михайлович (1928–1959). Письма, I–IV, II / Под ред. А. С. Долинина. Ленинград–Москва: Academia, Гослитиздат.

Достоевский, Федор Михайлович (1957). Преступление и наказание: Собрание сочинений: В 10-и т., 5. Москва: Художественная литература.

Достоевский Федор Михайлович (1979). Записки из Мёртвого дома. Петрозаводск: «Карелия».

Ожегов, Сергей Иванович (1986). Словарь русского языка. Москва: Русский язык.

Прилепин, Захар (2014). Скучная, как антисоветская библиотека, в: 24 часа, 48 (1628).

Прилепин, Захар (2015). Обитель. Москва: Издательство АСТ: редакция Елены Шубиной.

Сухих, Ольга (2015). Роман З. Прилепина «Обитель»: поэтика художественного эксперимента, в: Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 1, 297–304.

Топоров, Владимир Николаевич (1973). О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления: Structure of Texts and Semiotics of Culture. Paris, 225–302.

Топоров, Владимир Николаевич (2009). *Петербургский текст*. Москва: Наука.